ГЛАВА 3. МАЙ II

1

– Что это?

Я услышал голос Миками-сэнсэй. Она обращалась к сидящему слева от меня парню по фамилии Мотидзуки. Юя Мотидзуки.

Он был маленький, щуплый, бледный, с тонкими, хотя и простоватыми чертами лица. Если бы он переоделся в женскую одежду и отправился в Сибую, его вполне могли бы там принять за симпатичную девчонку и попытаться склеить. Со вчерашнего дня, когда я впервые пришел в школу, мне с ним еще и словом не удалось перекинуться. Я пытался поздороваться, но он всякий раз отворачивался. Трудно было понять, то ли он просто меня стеснялся, то ли был замкнутым и нелюдимым по природе.

От вопроса Миками-сэнсэй щеки Мотидзуки слегка порозовели, и он пробормотал:

– Ну… я хотел нарисовать лимон…

– Лимон? Это?

Кинув взгляд на учительницу, склоняющую голову то так, то этак, Мотидзуки еле слышно ответил:

– Да. Это крик с лимоном.

Четверг, мой второй день в школе. Пятый урок, рисование.

Наш класс занимался на первом этаже старого школьного здания, «нулевого корпуса»; мы разбились на шесть групп, и каждая уселась вокруг отдельного большого стола, в середине которого были выставлены различные предметы: луковица, лимон, кружка и т.д. Темой сегодняшнего урока был натюрморт.

Я выбрал стоящую возле луковицы кружку и начал рисовать ее карандашом на выданном мне листе бумаги. Мотидзуки, похоже, выбрал лимон, но, не знаю…

Вытянув шею, я глянул на лист, лежащий перед ним. Только посмотрел и –

Да, понимаю. У Миками-сэнсэй были все основания задавать вопросы.

Он изобразил гротескное нечто, по форме не имеющее ничего общего с предметами на столе.

Когда он сказал, что это лимон, да, я с трудом смог опознать лимон. Но только по сравнению с фруктом на столе он был вытянут вдвое сильнее – такой высокий, похожий на веретено; и плюс его очертания были все неровные, искривленные. Вдобавок Мотидзуки вокруг него нарисовал такие же волнистые линии, как будто спецэффекты…

Что это?

У меня возникла точно такая же мысль, как и у Миками-сэнсэй. Но когда я экстраполировал слова Мотидзуки «крик с лимоном», до меня дошло.

Что касается «Крика», даже ученики начальной школы знают – это шедевр норвежского

художника Эдварда Мунка. Фигура прижимающего руки к ушам человека на мосту, нарисованная искривленными линиями со странной композицией и в странных тонах. Этот волнистый лимон имел что-то общее с той картиной…

– Ты считаешь, это правильно, Мотидзуки-кун?

Кинув на Миками-сэнсэй еще один взгляд снизу вверх, Мотидзуки нерешительно ответил:

– Да… в смысле, сейчас я вижу лимон таким…

– Понятно.

Миками-сэнсэй сжала губы в линию, потом пробурчала:

– Это не совсем в духе сегодняшнего занятия, но… так и быть, – она грустно улыбнулась, будто признавая поражение, и добавила: – Хотя я бы предпочла, чтобы ты ставил такие эксперименты только на занятиях кружка.

– Аа, ладно. …Простите.

– Не за что извиняться. Продолжай, заверши это так, как начал, – равнодушно посоветовала Миками-сэнсэй и отошла от нашего стола. Тогда –

– Тебе нравится Мунк? – осторожно спросил я Мотидзуки, снова кинув взгляд на его рисунок.

– А… угу. Наверное, – ответил он, не глядя на меня, и снова взял карандаш. Однако какой-то стены вокруг него я не почувствовал и потому продолжил:

– Но почему лимон таким стал?

Мотидзуки поджал губы и пробурчал таким же тоном, как Миками-сэнсэй недавно:

– Я его так вижу, поэтому так рисую. И все.

– Ты имеешь в виду, предметы тоже кричат?

– Все не так. Люди все время неправильно понимают картину Мунка. Там на самом деле не человек кричит. А мир вокруг него. А он от этого крика дрожит и зажимает уши.

– Значит, и у тебя тоже не лимон кричит.

– …Да.

– Лимон зажимает уши?

– Мне кажется, ты еще не совсем понял…

– Хммм… Ладно, проехали. Ты, значит, в кружке рисования?

– А… угу. В этом году заново вступил.

Я вспомнил вчерашние слова Тэсигавары – про то, что в прошлом году кружок живописи был закрыт. Но с этого апреля «красотка Миками-сэнсэй» стала его куратором…

– Сакакибара-кун, а ты?

Мотидзуки впервые за все время взглянул мне в лицо. И склонил голову набок, словно щенок.

– Собираешься вступить? В рисовальный.

– С ч-чего бы мне?..

– Ну…

– Мне, конечно, немного интересно, но… не знаю. Я не очень хорошо рисую…

– Хорошо ты рисуешь или нет – это неважно, – сказал Мотидзуки невероятно серьезным тоном. – Ты рисуешь то, что видит твое сердце. Потому-то это и интересно.

– То, что видит сердце?

– Да.

– И это тоже?

Я взглядом показал на «Крик с лимоном», и Мотидзуки без намека на виноватость кивнул, потирая пальцем у себя под носом.

Думаю, он просто боится незнакомцев; а когда мы разговорились, он оказался довольно интересным парнем. При этой мысли я немного расслабился, но в то же время –

При упоминании кружка живописи что-то шевельнулось у меня в памяти.

Вчера, когда мы с Мей Мисаки беседовали на крыше корпуса С, у нее был с собой альбом. Может, она тоже в кружке живописи?

Комната для рисования в нулевом корпусе была вдвое больше обычного кабинета. Все в ней имело довольно дряхлый вид, да и света поступало маловато, но благодаря высокому потолку давящего ощущения не возникало. Комната казалась даже просторнее, чем была на самом деле.

Я огляделся по сторонам, как будто в первый раз. Однако –

Мей Мисаки нигде видно не было.

Но утром она на уроках была… Невольно меня охватило недоумение.

На то, чтобы спокойно поболтать, времени не было, но мне удалось отловить ее во время одной из перемен и перекинуться парой слов. Я упомянул, как она вчера шла домой одна под дождем, и еще всякие мелочи.

– Я не против дождя, – ответила она. – Больше всего люблю холодный дождь зимой. Когда он переходит в снег.

Я хотел поймать ее на большой перемене и поговорить еще, но, как и накануне, она исчезла из класса прежде, чем я заметил. И вот сейчас – пятый урок уже начался, а она не появилась.

– Слушай, Сакакибара-кун.

На этот раз Мотидзуки обратился ко мне первым, и я отложил мысли о Мей в сторонку.

– Что?

– Что ты думаешь… о Миками-сэнсэй?

– Чего это ты вдруг… я не знаю.

– Аа, ну… это, ладно… – забормотал Мотидзуки и несколько раз кивнул; его щеки снова залил легкий румянец.

Что это с ним? Он меня малость смутил.

Может, он втюрился в учительницу рисования? Вот этот пацан? Приятель, как ты себе это представляешь? Она старше тебя более чем на десять лет.

2

– Мунк всего создал четыре экземпляра «Крика».

– Да, я знаю.

– Мне нравится тот, что в Музее искусств в Осло. Красное небо – самое угрожающее. Оттуда как будто вот-вот кровь польется.

– Хм. Но разве страшно не становится, когда всматриваешься? Не вызывает какого-то беспокойства? Как это может нравиться?

Можно, конечно, сказать, что эту картину легко понять. Визуальный эффект настолько силен, что идея, лежащая в ее основе, забывается, и куда ни глянь, всюду натыкаешься на забавные пародии. Думаю, в этом смысле она популярная. Но, конечно, когда Мотидзуки сказал, что картина ему нравится, он имел в виду другой уровень.

– Беспокойство… пожалуй, да. Эта картина вытаскивает на поверхность такие вот чувства, она показывает, что тревога есть во всем, просто так устроен мир. Потому-то она мне и нравится.

– Она тебе нравится, потому что вызывает у тебя беспокойство?

– Так оно ведь не уходит от того, что ты делаешь вид, будто его нет. У тебя ведь тоже так, да, Сакакибара-кун? Уверен, у всех так.

– Даже у лимонов и луковиц? – в шутку спросил я, и Мотидзуки улыбнулся немного застенчиво.

– Рисунки – это проекция воображения.

– Это, конечно, так, но…

Когда урок рисования закончился, я встал и вышел из комнаты вместе с Юей Мотидзуки. Так получилось, что мы, идя по плохо освещенному коридору нулевого корпуса, продолжили разговор.

– Йо, Сакаки!

Кто-то сзади хлопнул меня по плечу. Даже не оборачиваясь, я знал, что это Тэсигавара. Похоже, сегодня он решил сократить мою фамилию до «Сакаки».

– Шепчетесь насчет Миками-сэнсэй? Я с вами.

– Жаль тебя расстраивать, но у нас тут более мрачная тема, – ответил я.

– Это какая? О чем разговор?

– О «тревоге», окутывающей мир.

– Эээ?

– Тебе когда-нибудь бывает тревожно, Тэсигавара? – поинтересовался я, хоть и был уверен, что он на подобные эмоции просто неспособен. Я уже стал обращаться к нему просто по фамилии, без суффиксов.

Однако крашеноголовый не оправдал моих ожиданий, ответив:

– Конечно, а ты как думал!

Он наигранно закивал – не уверен, насколько серьезно, – и добавил:

– Я ведь на последнем году учебы угодил в «проклятый класс три»!

– Э… – вырвалось у меня. И тут же я обратил внимание на реакцию Мотидзуки: он молча опустил глаза, в лице его читалась меланхолия и какое-то непонятное напряжение. И эта картина будто застыла в пространстве на миг. Так мне показалось.

– Вот что, Сакаки… – сказал Тэсигавара. – Я еще со вчерашнего дня хотел с тобой поговорить об этом…

– Погоди, Тэсигавара-кун, – вмешался Мотидзуки. – Не думаю, что ты теперь сможешь это сделать.

«Не сможешь это сделать»? Что «это»? Почему?

– «Теперь», говоришь… но… – произнес Тэсигавара, и его голос увял. Ни черта не понимая, я воскликнул:

– Да вы о чем вообще, блин?!

И тут же у меня перехватило дыхание.

Мы как раз подошли к дополнительной библиотеке. Старой библиотекой мало кто пользовался, но сейчас ее раздвижная дверь была на несколько сантиметров приоткрыта. И через щель я увидел –

…Она там.

Мей Мисаки.

– Что такое? – неуверенно спросил Тэсигавара.

– Подождите секундочку, – туманно ответил я и отодвинул дверь библиотеки. Мей повернулась к нам.

Она сидела за большим столом; никого, кроме нее, в комнате не было. Я приветственно поднял руку, но Мей проигнорировала мой жест и отвернулась обратно.

– Э-эй, Сакаки. Ты же не?..

– Са, Сакакибара-кун, что ты?..

Не обращая внимания на возгласы Тэсигавары и Мотидзуки, я вошел в дополнительную библиотеку.

3

Стен не было видно за высокими, от пола до потолка, шкафами, забитыми книгами. Но их все равно не хватало, и больше половины комнаты занимал целый лес стеллажей.

Библиотека была похожа на кабинет рисования по размеру, но абсолютно не похожа по стилю. Тут не было даже намека на открытость. Огромное число книг, хранящихся здесь, буквально давило. Освещение тоже способствовало созданию гнетущей атмосферы; оглядевшись, я увидел, что часть ламп дневного света не горела.

Здесь был всего один большой стол для читателей, и за ним сидела Мей. Вокруг стояли стулья, меньше десятка. В дальнем левом углу между полками виднелась маленькая стойка. Сейчас там никого не было, но казалось логичным, что это рабочее место библиотекаря.

В этой комнате, насыщенной запахом старых книг, в комнате, где, казалось, само время остановилось… была она.

Мей Мисаки сидела тут в полном одиночестве.

Я подошел, но она на меня и глаз не подняла. Перед ней на столе лежала не книга, а ее альбом.

Она… прогуляла урок рисования, чтобы сидеть здесь и рисовать одной?

– Думаешь, тебе стоило сюда заходить? – спросила Мей, не поднимая взгляда.

– Почему нет? – ответил я.

– Твои друзья тебя не остановили?

– Да вроде нет.

Как-то странно все в классе реагировали каждый раз, когда дело касалось ее. Правда, я уже начал, хоть и очень смутно, догадываться, почему так могло быть.

– Что ты рисуешь? – поинтересовался я, опуская взгляд на ее альбом.

Это был карандашный набросок красивой девочки. Совершенно не в стилистике аниме или манги – линии рисунка шли более реалистично, более естественно.

Хрупкое тело, половая принадлежность которого определялась не без труда. Тонкие руки и ноги. Длинные волосы. Глаза, нос и рот еще не были нарисованы, но в том, что было, уже виднелась красивая девочка.

– Это… кукла?

У меня были причины так спросить.

Плечи, локти, запястья, тазобедренные суставы, колени, лодыжки… в каждом из этих сочленений я видел характерную структуру, которую имеют некоторые куклы, так называемые «шарнирные». Суставы выглядели в точности так, как подсказывало название.

Не отвечая, Мей вяло кинула на рисунок карандаш, который до сих пор держала в руках.

– Ты с какой-то модели рисовала? Или из головы?

Я продолжал громоздить вопросы, хоть и был уже готов получить в ответ «ненавижу такой допрос». Наконец Мей повернулась ко мне.

– Не знаю. Возможно, и то, и другое.

– И то, и другое?

– В самом конце я собираюсь дать этой девочке большие крылья.

– Крылья… значит, это ангел?

– Не знаю. Может, и ангел.

«А может, и демон» – я ожидал такого рода продолжения и даже затаил дыхание. Но Мей не стала развивать свою мысль. Лишь тонкая улыбка появилась у нее на губах.

– Что у тебя с глазом? – я попробовал сменить тему и задал вопрос, не дававший мне покоя все это время. – У тебя эта повязка была еще в больнице, когда я тебя увидел. Ты поранилась где-то?

– Ты хочешь узнать?

Мей склонила голову чуть набок, ее правый глаз прищурился. Я поспешно ответил:

– Это, если ты не хочешь говорить, то не надо…

– Тогда не буду.

И тут где-то в комнате прохрипел звонок. Похоже, тут по-прежнему использовали старый, побитый временем динамик, который никто никогда не чинил.

Это был звонок на шестой урок, однако Мей даже не попыталась встать. Возможно, она снова собиралась прогулять.

Оставить ее или потащить с собой? Я никак не мог решить.

– Тебе пора в класс, – вдруг раздался голос из ниоткуда.

Мужской голос, которого я никогда раньше не слышал. Чуть хрипловатый, но глубокий и сильный.

Вздрогнув, я заозирался и тут же обнаружил источник голоса.

За стойкой в углу комнаты, где раньше никого не было, сидел мужчина во всем черном.

– Я тебя раньше не видел, – произнес он. На нем были старомодные очки в черной оправе, в растрепанных волосах виднелась седина.

– Эээ, я Сакакибара из класса три-три. Я только вчера перешел в эту школу и, это…

– Тибики, библиотекарь, – сказал он, не отводя взгляда. – Можешь заглядывать когда захочешь, но сейчас иди.

4

Раз в неделю, в том числе сегодня, вместо шестого урока у нас был классный час. В начальной школе мы бы просто трепались всем классом, но вряд ли такое свободное поведение возможно здесь и сейчас, под пристальным взглядом учителей. Думаю, в этом плане муниципальная школа ничем не отличается от частной.

Никаких вопросов, требующих немедленного обсуждения, не было, так что нас отпустили до официального завершения уроков.

Мей Мисаки в классе и на этот раз не появилась. Но, по-моему, никто на этот счет не волновался, включая Кубодеру-сэнсэя и Миками-сэнсэй.

Сегодня бабушка опять отвезла меня в школу и сказала, что заберет после уроков. Я пытался что-то вякать, говорить, что это вовсе ни к чему, но разве ее остановишь. «На этой неделе я должна», – сказала она. И, учитывая мое состояние, вряд ли я мог слишком уж сопротивляться…

Честно говоря, мне хотелось бы задержаться в школе и поискать Мей, но эту идею пришлось оставить. Я отклонил приглашение Тэсигавары и других ребят пойти домой вместе и сел в поджидающую меня машину.

5

После ужина я смог поговорить с Рейко-сан, прежде чем она успела уйти в свой домик-кабинет-спальню.

У меня накопилась к ней уйма вопросов, но, как только мы начали говорить, я весь напрягся – как обычно. В итоге мы болтали о всякой ерунде, чего я вовсе не планировал.

После долгих колебаний я решился наконец и спросил про дополнительную библиотеку в нулевом корпусе.

– Там всегда была библиотека?

– Да. Естественно, она там была, когда я училась в средней школе, и я уверена, что во время учебы сестрицы Рицко тоже.

– И тогда она тоже была «дополнительной»?

– Нет, это поменялось. По-моему, она стала «дополнительной», когда рядом построили новые корпуса и появилось место для новой библиотеки.

– Да, наверно.

Рейко-сан сидела, оперев руку локтем о стол и примостив на нее подбородок. Потом сменила руку, глотнула пива из своего бокала и мягко вздохнула. Она старалась не подавать виду, но, похоже, повседневная взрослая жизнь ее здорово выматывала.

– Ты знаешь библиотекаря этой дополнительной библиотеки? Я его сегодня мельком увидел; в нем что-то такое есть – он кажется королем кабинета… Такое ощущение, будто он там был всегда.

– Тибики-сан, да?

– Ага, так его зовут.

– Верно подметил, Коити-кун. От него действительно создается такое впечатление. «Король» библиотеки. Он там был и в мое время. Он всегда грубый, носит все черное, и в нем есть что-то загадочное. Почти все девушки его побаивались.

– …Охотно верю.

– Он не сказал чего-нибудь странного, когда вы с ним встретились?

– Не, ничего такого.

Медленно покачав головой, я прокрутил в памяти ту сцену.

Он велел убираться только мне. Что потом делала Мей? Осталась там и продолжала работать над рисунком? Или…

– Кстати, Коити-кун, – сказала Рейко-сан, держа в руке бокал с пивом. – Ты собираешься вступить в какой-нибудь кружок или еще чем-нибудь заниматься после уроков?

– О… хороший вопрос. Я как раз об этом думаю.

– В прошлой школе ты чем-нибудь занимался?

Раз уж она спросила, пришлось ответить честно:

– Я был в кулинарном кружке.

Я туда вступил отчасти из желания подколоть отца, с радостью свалившего всю работу по дому на единственного сына. Благодаря этому я в готовке поднялся на пару уровней, однако отец ни разу не показал, что замечает результат.

– В Северном Ёми, по-моему, ничего такого нет, – заметила Рейко-сан, улыбаясь одними глазами.

– Да все равно мне тут только год учиться. Вовсе не обязательно куда-то вступать. А, но сегодня меня один парень спросил, не хочу ли я вступить в рисовальный.

– О, правда?

– Но я не знаю…

– Коити-кун, ты в своем стиле.

Осушив бокал, Рейко-сан оперла о стол оба локтя и уткнулась подбородком в ладони. Потом посмотрела мне в глаза и спросила:

– Ты любишь живопись?

– Не знаю насчет «люблю», но это довольно интересно…

Взгляд Рейко-сан почти слепил. Невольно опустив голову, я сказал то, что думал:

– Рисую я не очень хорошо. Скорее даже плохо.

– Хмм.

– Но все равно я – только это секрет, ладно? Никто пока не знает. По-моему, я хочу пойти в какой-нибудь колледж по искусству, если только смогу.

– Эээ, правда? Никогда раньше от тебя такого не слышала.

– Скульптура, лепка – чем-нибудь в этом роде хочу попробовать заняться.

В моем бокале был бабушкин фирменный овощной сок. Я осторожно глотнул, пытаясь не замечать вкус добавленного туда сельдерея, который я терпеть не мог.

– И что ты думаешь? Я безголовый, да?

Я приготовился к выволочке. Рейко-сан скрестила руки на груди и снова хмыкнула. Потом наконец ответила:

– Совет номер один: я из личного опыта знаю, что родители резко возражают, когда дети сообщают им, что намерены поступать в академию изящных искусств или подобное заведение.

– …Ничего удивительного.

– Не знаю, как среагирует твой отец, Сакакибара-кун. Может, он будет просто в панике, когда узнает.

– Не думаю, но шансы такие есть, да.

– Совет номер два, – продолжила Рейко-сан. – Предположим, ты поступишь в академию изящных искусств, как тебе того хочется. Но после выпуска у тебя будет поразительно мало навыков, которые позволят тебе получить настоящую работу. Конечно, в какой-то мере это зависит от твоих способностей, но, думаю, самый важный фактор – удача.

Вот, значит, как обстоят дела. Добро пожаловать в реальный мир…

– Совет номер три.

Ладно, ладно – я был уже готов отказаться от своих слов здесь и сейчас. Однако последний совет Рейко-сан пролил чуток бальзама на мои раны, как и добрая улыбка в ее глазах.

– Несмотря на все это, если ты действительно хочешь попытаться, бояться нечего. Мне кажется, что бы ты ни собирался делать, очень недостойно сдаваться, даже не попытавшись.

– Думаешь?

– Мм. В конце концов, важнее всего, мужик ты или нет, верно?

Рейко-сан медленно потерла руками щеки, слегка порозовевшие от спиртного.

– Но, конечно, вопрос в том, ты сам считаешь, что ты мужик, или нет.

6

На следующий день – это была пятница, 8 мая – я не видел Мей Мисаки все утро.

Я подумал, что, может, она заболела, но вчера она выглядела совершенно нормально…

Неужели?.. Мне в голову закралось подозрение.

После нашего разговора на крыше в среду, во время физкультуры…

«Если ты на крыше школы и слышишь воронье карканье, то, возвращаясь, должен шагнуть на лестницу левой ногой».

Это был первый из «Базовых принципов Северного Ёми», который рассказала мне Рейко-сан. Если его нарушишь и шагнешь правой ногой, то в течение месяца поранишься.

Слышала Мей карканье или нет – в любом случае, шагнула она правой ногой. Тогда… неужели она серьезно поранилась из-за этого? …Что за бред.

Когда я прекратил ворочать эти мысли, мне самому стало смешно, что я о такой ерунде думал наполовину всерьез и даже беспокоился.

Да нет. Этого просто не может быть.

И тем не менее я не смог заставить себя спросить у кого-нибудь, почему она отсутствовала.

7

В частной средней школе К** такого никогда не было, однако в муниципальных, как оказалось, вторая и четвертая субботы месяца – фактически выходные. Где-то эти дни отводятся на «самостоятельную учебную работу», но в Северном Ёми ученики могли проводить дополнительные свободные дни как хотели.

Поэтому в субботу, 9 мая, школы не было. И мне не требовалось рано вставать – точнее, не требовалось бы, если бы не нужно было ехать в городскую клинику возле Юмигаоки. На утро мне назначили осмотр, чтобы проверить состояние здоровья.

Конечно же, бабушка собиралась отвезти меня туда; однако, когда пришло время ехать, выяснилось, что она не может. У дедушки Рёхэя с утра поднялась температура, и он остался в постели.

Это дело не казалось каким-то особо серьезным, но все-таки он был старым человеком, чье поведение вызывало определенное беспокойство, причем постоянно. Я прекрасно понимал, что его нельзя оставлять дома одного, и потому убежденно заявил бабушке:

– Не волнуйся за меня, все будет нормально.

– Ты уверен? Ну тогда спасибо.

Как я и ожидал, на этот раз она не сопротивлялась.

– Будь осторожен и сразу возвращайся домой. Если вдруг почувствуешь себя плохо, тут же вызывай такси.

– Хорошо, ба. Понял.

– Не хочу, чтобы ты перенапрягался.

– Не буду.

– У тебя денег достаточно?

– Да, ба.

Так получилось, что разговаривали мы на первом этаже, рядом с крыльцом, и майна Рей-тян подслушивала, после чего жизнерадостно заорала своим пронзительным голосом, от которого мне хотелось сбежать куда подальше:

– Почему? Почему? Почему? …Давай бодрее. Бодрее.

8

– Так, так, – бормотал пожилой врач, разглядывая на свет рентгеновские снимки моих легких и все время кивая. Потом довольным тоном сказал: – Все чисто. Просто прекрасно. Никаких осложнений. Однако физические нагрузки по-прежнему исключены. Я бы сказал так: давай посмотрим тебя еще через неделю-две, и, если все будет без изменений, ты сможешь ходить на физкультуру.

– Спасибо.

Я скромно поклонился, однако на душе у меня было неспокойно. Прошлой осенью меня вот так же осмотрели вскоре после выписки. Тогда я получил такие же оптимистичные заверения…

Но, конечно, сколько бы я ни тревожился о том, что подобное может повториться, все равно это ничего не изменит. «Теперь тебе беспокоиться не о чем». Надо просто махнуть рукой и довериться оптимизму того, кто уже это пережил… да. Так будет лучше всего.

В поликлиниках при городских больницах всегда много народу. К тому времени, когда мой осмотр был завершен и я расплатился в кассе, время обеда давно прошло. Будучи почти здоровым пятнадцатилетним парнем, я начал страдать от атак голода, однако перспектива обедать в больничной столовке меня совершенно не радовала. Лучше найти по пути домой какое-нибудь местечко, где продают гамбургеры или пончики. Я уже вышел из клиники и направился к автобусной остановке, когда внезапно передумал.

Я зашел сюда впервые за десять дней, причем бабушки, к счастью (хотя она бы жутко рассердилась, если бы я ей такое сказал), со мной не было. Так почему бы не попытаться кое-что сделать – ведь это мне ничем не грозит. Это дело важней, чем голод, верно? …Верно.

Я вернулся в клинику. И направился туда, где была сосредоточена вся моя жизнь в конце прошлого месяца, – в здание стационара.

– Оо? Что случилось, мальчик-жутик?

Поднявшись на лифте на четвертый этаж, я как раз проходил мимо окошка отделения персонала, когда в коридор прямо передо мной вышла знакомая медсестра. Высокая, стройная, с большими глазами, производящими впечатление некоторой неуравновешенности… Мидзуно-сан.

Она рассказывала, что получила квалификацию медсестры только в прошлом году. Здесь она работала совсем недавно, однако, думаю, за десять дней, что я тут проторчал, с ней я говорил больше, чем с кем бы то ни было из персонала. Санаэ Мидзуно-сан.

– О. Здравствуйте.

Кто ищет, тот находит… ну, конечно, все не так пафосно, но именно на эту встречу я сейчас надеялся.

– Что случилось? Сакакибара… Коити-кун, да? Надеюсь, у тебя нет новых проблем с легкими?

– Не, не, ничего такого, – я замотал головой. – Я зашел в поликлинику для проверки. Мне сказали, у меня все в порядке.

– Оо. А что тогда ты делаешь здесь?

– Я, это, хотел с вами встретиться.

Прозвучало глупо – я это понял сразу же, как сказал.

Мидзуно-сан тут же театрально подняла брови.

– Ого, я польщена! Я, конечно рада была бы подумать, что тебе одиноко в школе, где нет таких же сдвинутых, с кем можно пообсуждать жутики… но ты же не поэтому пришел, да? А почему?

– Это… ну, по правде, я хотел вас кое о чем спросить.

Наши дружеские отношения начались с романов Стивена Кинга, которые я читал, пока валялся в больнице. Она как-то раз их заметила.

– Ты что, только это читаешь? – спросила она.

– Не только, нет.

У нее было такое выражение лица, будто она видела что-то сверхъестественное, и потому я хотел ответить коротко, но –

– А что еще? – поинтересовалась она.

У меня само вырвалось:

– Эмм… Кунца, например.

Она фыркнула и скрестила руки на груди каким-то стариковским движением. Она словно пыталась сдержать смех. Тогда-то я и получил от нее прозвище «мальчик-жутик».

– Для человека, который лежит в больнице, читать такие вещи – довольно нетипично.

– Правда?

– Ну, люди ведь не любят боли и страха, так? А когда они больны или травмированы, им обычно как раз больно и страшно.

– Наверно. Но, я что хочу сказать, это же всего лишь книжка, на самом деле я не…

– Угу. Ты абсолютно прав. Ты меня поражаешь, мальчик-жутик.

Очень быстро выяснилось, что она сама обожает «такие вещи». Восточные и западные, современные и классические, романы и фильмы – она ничего не пропускала. Судя по всему, ей самой было одиноко, потому что на работе не было «таких же сдвинутых, с кем можно пообсуждать жутики». И поэтому до самой моей выписки мы много разговаривали, и она рекомендовала мне совершенно незнакомых авторов вроде Джона Саула или Майкла Слейда.

Но я отвлекся.

Я сказал Мидзуно-сан, что хочу ее кое о чем спросить, а мысленно пообещал себе, что когда-нибудь обязательно найду время поговорить с ней о нашем общем увлечении.

– Двадцать седьмого апреля – это был позапрошлый понедельник – здесь никакая девушка не умирала?

9

– Двадцать седьмого апреля? – Мидзуно-сан заморгала своими большими глазами; вопрос явно показался ей странным. – В позапрошлый понедельник, да? Ты ведь тогда был еще здесь, так?

– Ага. Как раз в тот день из меня вытащили трубку.

– И с чего вдруг такой интерес?

Вопрос был вполне естественный. Но я сомневался, что смогу на него внятно ответить, не запутавшись в нюансах.

– Просто… меня беспокоит кое-что.

В итоге я ответил туманно.

В тот день… около полудня я случайно встретился с Мей Мисаки в больничном лифте; это была наша первая встреча. Она вышла на втором подвальном этаже. Там не было ни палат, ни процедурных. Кроме склада и аппаратной, там был только морг.

…Морг.

Думаю, мысленный образ этого места и не давал мне покоя все время. Поэтому, исходя из имеющейся информации, я и задал Мидзуно-сан свой вопрос.

Предположим, именно в морг Мей и шла в тот день. В пустой морг люди, как правило, не ходят. Рассуждая логически – там должно было лежать тело кого-то, кто в тот день умер в больнице. Годное объяснение?

Почему я решил, что это именно девушка?

Это тоже вольная интерпретация тех загадочных слов, которые произнесла тогда Мей. «Моя бедная вторая половинка»…

– Похоже, тут что-то запутанное, – Мидзуно-сан надула одну щеку и прищурилась. – Не могу заставить тебя выложить все как есть, но… дай-ка подумать.

– У вас есть идеи?

– Что касается моих пациентов, то среди них никакая девушка не умирала. Но за всю больницу не поручусь.

– Да, кстати, еще кое-что… – я решил сменить вопрос. – Вы не видели в тот день девушку в школьной форме в этом корпусе?

– Чтоооо? Еще одну девушку?

– В форме средней школы. Темно-синий блейзер. Она с короткими волосами и повязкой на левом глазу.

– С повязкой на глазу, – Мидзуно-сан склонила голову набок. – Из офтальмологии? Ой, погоди. Погоди секундочку.

– Вы ее видели?

– Нет. Я насчет умерших девушек.

– Да?!

– Хммм. Дай-ка вспомнить… – пробормотала Мидзуно-сан, постукивая по виску средним пальцем правой руки. – …Знаешь, вполне возможно, что было такое.

– Правда?

– Мне так кажется, но я слышала мельком и на ходу.

Чтобы не торчать в коридоре, по которому постоянно шастали туда-сюда пациенты, их родственники, врачи и медсестры, она отвела меня в рекреацию, где почти никого не было. Скорей всего, она решила, что если мы так и будем громко разговаривать, стоя посреди коридора, могут возникнуть проблемы.

– Я не уверена на сто процентов, но если ты говоришь про тот понедельник… По-моему, это было примерно тогда, – тихо произнесла Мидзуно-сан. – Но была ли это именно девушка? Насколько я помню, кто-то говорил о молодом пациенте, который здесь лежал уже какое-то время, а потом внезапно скончался.

– А вы не знаете, как его звали?

Мое сердце колотилось сильнее, чем мне бы хотелось. И я не мог сдержать дрожи, которая, не знаю почему, пробегала по всему телу.

– Как его звали, или чем он был болен, или еще что-нибудь?

Поколебавшись немного, Мидзуно-сан огляделась и, понизив голос еще больше, предложила:

– Почему бы мне не попробовать что-нибудь выяснить?

– А у вас не будет неприятностей?

– Всего лишь порасспрашиваю – ничего страшного. У тебя есть сотовый телефон?

– А, ага.

– Дай мне свой номер, – отрывисто сказала она, доставая мобильник из кармана халата. – Когда я что-то узнаю, дам тебе знать.

– Правда? У вас точно не будет неприятностей?

– Чего не сделаешь для родственной души. Ты проделал весь этот путь – наверняка у тебя есть какие-то основания, – ответила молодая медсестра, обожающая триллеры, и в глазах ее вспыхнули озорные искорки. – Взамен ты когда-нибудь расскажешь мне, зачем тебе все это надо. Договорились, мальчик-жутик?

10

Пустые синие глаза

в сумраке Ёми

Эту странную вывеску я обнаружил задолго до того, как Йомияму окутали сумерки.

Я возвращался домой из Юмигаоки.

С автобуса я сошел в местечке под названием Акацки, расположенном на полпути между больницей и домом бабушки с дедушкой (так я решил, сверившись с довольно туманной картой у себя в голове). Найдя поблизости фастфуд, я разобрался с голодом и зашагал по жилому району. Несмотря на субботний день, на улицах было почти пусто, а среди людей, которые мне все-таки встречались, не было ни одного знакомого (что, впрочем, неудивительно). Никто со мной не заговаривал, я ни с кем не заговаривал, и моего внимания тоже ничто не привлекало. Я шел прочь из этого квартала, от автобусного маршрута; пройдя узким переулком, обнаружил несколько довольно красивых домов; потом пошел дальше… В общем, никакой особой цели у меня не было – я просто брел куда глаза глядят.

Если я заблужусь – ну, как-нибудь все образуется.

С таким вот пофигистическим настроением я и устроил себе эту прогулку. Возможно, такова сила юноши, прожившего пятнадцать лет в Токио без матери.

Я осознал вдруг, что шла уже третья неделя моего пребывания в Йомияме, но впервые у меня было столько свободы и я мог не беспокоиться о том, как на меня смотрят окружающие. Если я не вернусь домой до темноты, бабушка наверняка будет страшно волноваться, но в таком случае она позвонит мне на мобильный.

«Наконец-то вот он, вкус свободы!»

…Как это далеко от того, что я сейчас чувствовал. По правде, все, чего я хотел, – бесцельно побродить по городу на своих двоих. Не более.

Был четвертый час дня, и мир казался каким-то странно выцветшим. Признаков приближения

дождя не замечалось, однако высоко в небе собирались не по сезону темные облака. Мне показалось, что они прекрасно отражают мое настроение…

Только что я обнаружил столб с названием района, где я находился, «Мисаки».

Опять Мисаки? Кандзи другие, конечно, но…

Я нанес название на свою туманную мысленную карту. Судя по всему, я сейчас находился, грубо говоря, в середине треугольника, образуемого больницей, домом бабушки с дедушкой и школой.

Тут-то это и произошло.

Дорога шла в гору, причем с приличным уклоном.

То здесь, то там стояли маленькие магазинчики, каждый отдельно от остальных; но людей я поблизости не видел. И вдруг –

Пустые синие глаза

в сумраке Ёми

Мой взгляд остановился на странной черной вывеске, где кремовой краской были выведены эти слова.

Недружелюбная на вид трехэтажная бетонная коробка. Типичное офисное здание, совсем не такое, как жилые дома вокруг; только непохоже было, чтобы на втором и третьем этажах располагались еще какие-то магазины или конторы.

Вывеска была возле двери первого этажа и совершенно не бросалась в глаза. Рядом начиналась наружная лестница, ведущая на верхние этажи. Немного в стороне на улицу смотрело большое овальное окно, утопленное в стену. Витрина, что ли? Однако никакой подсветки не было, да и вообще вид был заброшенный – как будто этой витриной никто не пользовался.

Невольно застыв на месте, я снова посмотрел на вывеску и вполголоса прочел надпись:

– Пустые синие глаза в сумраке Ёми… что это значит?

Ниже этой вывески была другая, больше похожая на табличку, – старая некрашеная дощечка. На ней, судя по всему, кисточкой для каллиграфического письма, было выведено:

Добро пожаловать. Студия М.

Что это за заведение?

Магазин антиквариата или что-нибудь в том же духе? Или…

Внезапно мне показалось, что кто-то за мной наблюдает. Я огляделся, однако на улице вообще людей не было, тем более таких, кто на меня бы пялился.

Нависающее над головой небо было темнее обычного. В воображении у меня возникла картина, как этот уголок города под названием Мисаки стремительно погружается в сумрак. Почти боясь чего-то, я подошел к овальному окну.

Внутри было темно, разглядеть ничего не удавалось. Я придвинулся вплотную и чуть ли не вжался носом в стекло.

– Уаа! – вырвалось у меня, и я застыл. Холодное онемение поползло от основания шеи в плечи, потом в руки.

За окном было…

За окном было нечто, невероятно странное и невероятно красивое.

На полу стоял круглый черный стол, накрытый багровой скатертью. На нем виднелась верхняя половина женского тела. Женщина обеими руками приподнимала черную вуаль.

Белая, гладкая кожа, пугающе прекрасные черты лица… это была молодая девушка. Спадающие на грудь черные как смоль волосы. Ярко-зеленые глаза. Ее красное платье, как и туловище, было обрезано в талии.

– Круто…

Потрясающе странная, до ужаса прекрасная – кукла девушки почти в натуральную величину, но только верхняя половина тела, выставленная как украшение.

Что это за место?

Что это за?..

В недоумении я снова кинул взгляд на вывеску у входа.

И тут в кармане куртки что-то завибрировало. Мне звонили по мобильнику.

Что, бабушка уже волнуется?

Уверенный в том, какое имя сейчас увижу, я коротко вздохнул и достал телефон. Однако на ЖК-дисплее отобразился незнакомый номер.

– …Да?

Едва ответив, я тут же услышал женский голос.

– Сакакибара-кун?

Я его узнал – в конце концов, считанные часы назад я слышал этот голос вживую. Это была Мидзуно-сан из городской больницы.

– Я узнала кое-что насчет того, о чем мы с тобой говорили.

– Правда? Быстро вы.

– Меня тут поймала одна семпай, которая знает все и обожает сплетничать, и я сразу же ее спросила. Она сказала, что слышала еще от кого-то, так что за стопроцентную точность информации не ручаюсь. Но проверить бумаги будет трудновато. Выкладывать?

– Конечно.

Моя рука невольно сжала телефон. По телу вновь прошла дрожь.

– Пожалуйста, расскажите.

Даже говоря по телефону, я по-прежнему не мог отвести взгляда от куклы за окном.

– В позапрошлый понедельник действительно умерла одна девочка, – сообщила Мидзуно-сан. – Ученица средней школы.

– А…

– Ей в другой больнице сделали серьезную операцию, потом перевели к нам. Операция прошла очень успешно, девочка поправлялась, но потом ее состояние стало резко ухудшаться. Врачи просто не успели ничего сделать. Она была единственным ребенком в семье, родители были вне себя от горя.

– Как ее звали? – спросил я. Глаза девушки за окном, смотрящие на меня из полумрака, я мысленно связал со словами «пустые синие глаза» на вывеске. – Вы не знаете, как ее звали?

– Ммм… – голос Мидзуно-сан захрипел; уровень сигнала вдруг упал. – Я спрашивала у той же женщины, а она сама была не очень уверена… но все-таки я вытащила из нее имя.

– Ну?

– Девочку звали то ли Мисаки, то ли Масаки – что-то в таком роде.

http://tl.rulate.ru/book/89941/2883206